

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

ЛУЧШИЕ

ДЕНИСКИНЫ РАССКАЗЫ

Виктор Юзефович Драгунский
Лучшие Денискины рассказы
Серия «Лучшие книги для детей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51075759

Лучшие Денискины рассказы / Виктор Драгунский: Эксмо; Москва;

2020

ISBN 978-5-17-119026-2

Аннотация

Самые известные рассказы Виктора Драгунского о Дениске Кораблёве: «Девочка на шаре», «Слава Ивана Козловского», «Он живой и светится...», «Чики-брык» и многие другие. Иллюстрации Владимира Канивца.

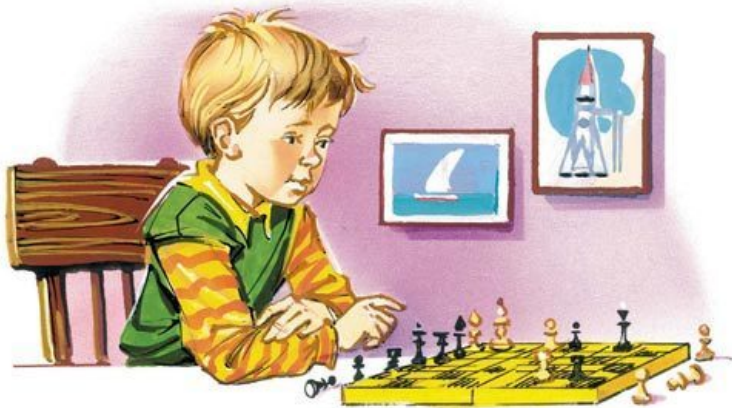
Содержание

Что я люблю...	6
...И чего не люблю!	13
«Он живой и светится...»	16
Тайное становится явным	24
Мотогонки по отвесной стене	36
Зелёнчатые леопарды	46
Удивительный день	59
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Виктор Драгунский Лучшие Денискины рассказы

Что я люблю...

Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как бельё на заборе. Ещё я очень люблю играть в шашки, шахматы и домино, только чтобы обязательно выигрывать. Если не выигрывать, тогда не надо.

Я люблю слушать, как жук копается в коробочке. И люблю в выходной день утром залезть к папе в кровать, чтобы поговорить с ним о собаке: как мы будем жить просторней, и купим собаку, и будем с ней заниматься, и будем её кормить, и какая она будет потешная и умная, и как она будет

воровать сахар, а я буду за нею сам вытирать лужицы, и она будет ходить за мной, как верный пёс.

Я люблю также смотреть телевизор; всё равно, что показывают, пусть даже только одни таблицы.

Я люблю дышать носом маме в ушко. Особенно я люблю петь и всегда пою очень громко.

Ужасно люблю рассказы про красных кавалеристов, и чтобы они всегда побеждали.

Люблю стоять перед зеркалом и гримасничать, как будто я Петрушка из кукольного театра. Шпроты я тоже очень люблю.

Люблю читать сказки про Канчиля. Это такая маленькая, умная и озорная лань. У неё весёлые глазки, и маленькие рожки, и розовые отполированные копытца. Когда мы будем жить просторней, мы купим себе Канчиля, он будет жить в ванной.

Ещё я люблю плавать там, где мелко, чтобы можно было держаться руками за песчаное дно.

Я люблю на демонстрациях махать красным флажком и дудеть в «уй-ди-уйди!».

Очень я люблю звонить по телефону.

Я люблю строгать, пилить, я умею лепить головы древних воинов и бизонов, и я слепил глухаря и Царь-пушку. Всё это я люблю дарить.

Когда я читаю, я люблю грызть сухарь или ещё что-нибудь.

Я люблю гостей.

Ещё я очень люблю ужей, ящериц и лягушек. Они такие ловкие. Я ношу их в карманах. Я люблю, чтобы ужик лежал на столе, когда я обедаю. Люблю, когда бабушка кричит про

лягушонка: «Уберите эту гадость!» – и убегает из комнаты. Тогда я помираю от смеха!

Я люблю посмеяться... Иногда мне нисколько не хочется смеяться, но я себя заставляю, выдавливаю из себя смех – смотришь, через пять минут и вправду становится смешно, и я прямо кисну от смеха!

Когда у меня хорошее настроение, я люблю скакать. Однажды мы с папой пошли в зоопарк, и я скакал вокруг него на улице, и он спросил:

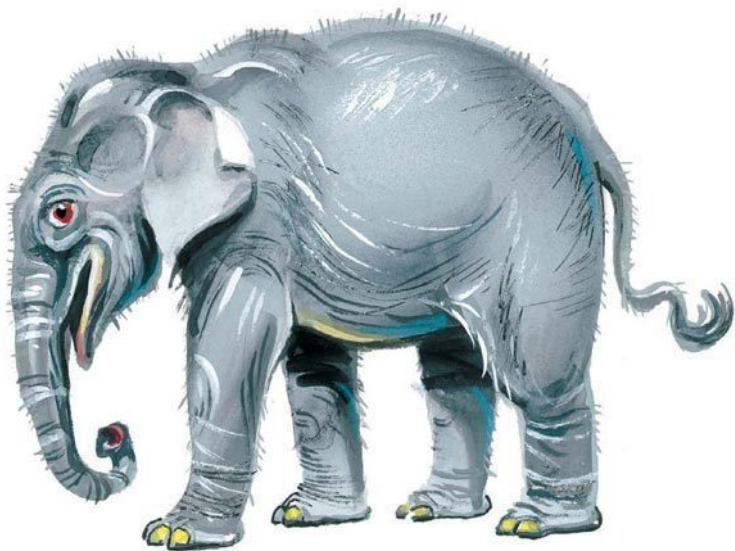
– Ты что скачешь?

А я сказал:

– Я скачу, что ты мой папа!

Он понял.

Я люблю ходить в зоопарк. Там чудесные слоны. И есть один слонёнок. Когда мы будем жить просторней, мы купим слонёнка. Я выстрою ему гараж.

Я очень люблю стоять позади автомобиля, когда он фырчит, и нюхать бензин.

Люблю ходить в кафе – есть мороженое и запивать его газированной водой. От неё колет в носу и слёзы выступают на глазах.

Когда я бегаю по коридору, то люблю изо всех сил топтать ногами.

Очень люблю лошадей, у них такие красивые и добрые лица.

Я много чего люблю!

...И чего не люблю!

Чего не люблю, так это лечить зубы. Как увижу зубное кресло, сразу хочется убежать на край света. Ещё не люблю, когда приходят гости, вставать на стул и читать стихотворение. Не люблю, когда папа с мамой уходят в театр. Терпеть не могу яйца всмятку, когда их наболтают в стакане, крошат туда хлеба и заставляют есть. Это мне противно.

Ещё не люблю, когда мама идёт со мной погулять и вдруг встречает тётю Розу! Они тогда разговаривают только друг с дружкой, а я просто не знаю, чем бы заняться.

Не люблю ходить в новом костюме — я в нём как деревянный.

Когда мы играем в красных и белых, я не люблю быть белым. Тогда я выхожу из игры, и всё! А когда я бываю красным, не люблю попадать в плен. Я всё равно убегаю.

Не люблю, когда у меня выигрывают. Не люблю, когда день рождения, играть в «каравай»: я не маленький.

Не люблю, когда задаются. И очень не люблю, когда порежусь, вдобавок мазать палец йодом.

Я не люблю, что у нас в коридоре тесно и взрослые каждую минуту снуют туда-сюда, кто со сковородкой, кто с чайником, и кричат:

— Дети, не вертитесь под ногами! Осторожно, у меня горячая кастрюля!

А когда я ложусь спать, не люблю, чтобы в соседней комнате пели хором: «Ландыши, ландыши...»

Очень не люблю, что по радио мальчишки и девчонки говорят старушечьими голосами!

Не люблю, что нет изобретения против клякс!

«Он живой и светится...»

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Она, наверно, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверно, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы всё ещё не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио за-

играло музыку, и в небе задвигались тёмные облака – они были похожи на бородатых стариков...

И мне захотелось есть, а мамы всё не было, я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждет меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял ее сидеть на песке и скучать.

И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

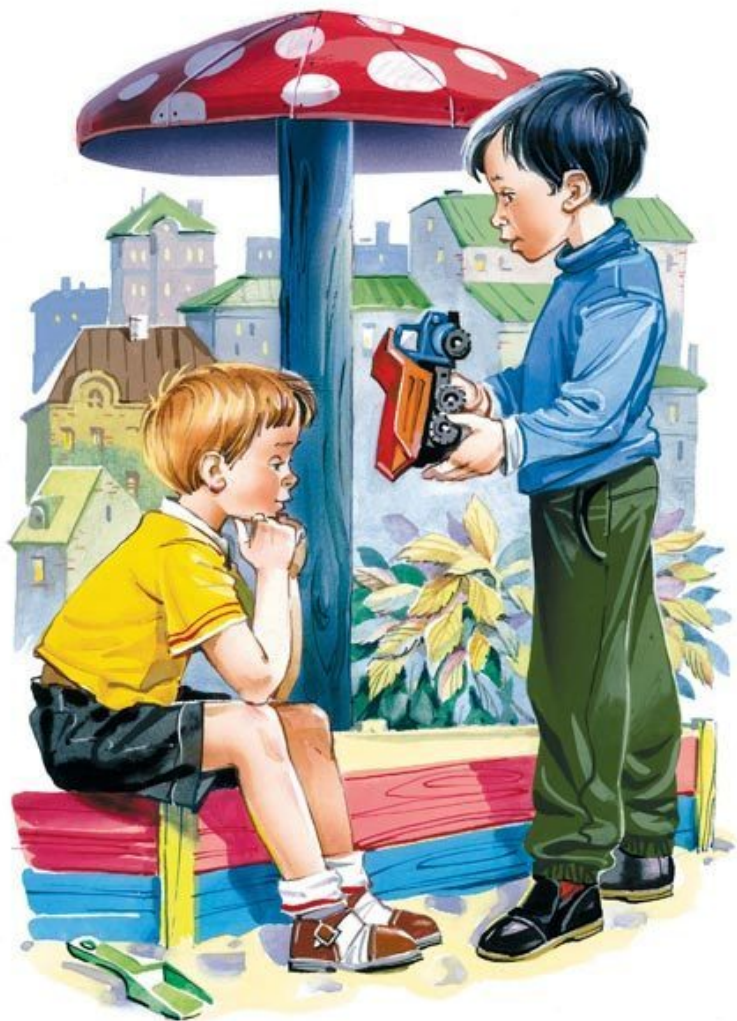
– Здорово!

И я сказал:

– Здорово!

Мишка сел со мной и взял в руки самосвал.

– Ого! – сказал Мишка. – Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Её можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?

Я сказал:

– Нет, домой не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало ещё темнее. Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придёт мама. Но она всё не шла. Видно, встретила тётю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лёг на песок.

Тут Мишка говорит:

– Не дашь самосвал?

Я говорю:

– Отвяжись, Мишка.

Тогда Мишка говорит:

– Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!

Я говорю:

– Сравнил Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

– Ну, хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

– Он у тебя лопнутый.

А Мишка:

– Ты его заклеишь!

Я даже рассердился:

– А плавать где? В ванной? По вторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

– Ну, была не была! Знай мою доброту! На!

И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял её в руки.

– Ты открой её, – сказал Мишка, – тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зелёный огонёк, как будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звёздочка, и в то же время я сам держал её сейчас в руках.

– Что это, Мишка, – сказал я шёпотом, – что это такое?

– Это светлячок, – сказал Мишка. – Что, хорош? Он живой, не думай.

– Мишка, – сказал я, – бери мой самосвал, хочешь? На-всегда бери, насовсем! А мне отдай эту звёздочку, я её до-мой возьму.

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зелёный, словно в сказке, и как он, хоть и близко, на ладони, а светит словно издалека... И

я не мог ровно дышать, и я слышал, как быстро стучит моё сердце, и чуть-чуть кололо в носу, как будто хотелось плакать.

И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.

Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой. А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:

– Ну, как твой самосвал?

А я сказал:

– Я, мама, променял его.

Мама сказала:

– Интересно! А на что?

– На светлячка! – ответил я. – Вот он, в коробочке живёт.

Погаси-ка свет!

И мама погасила свет, и стало темно, и мы стали вдвоём смотреть на бледно-зелёную звёздочку.

Потом мама зажгла свет.

– Да, – сказала она, – это волшебство! Но всё-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?

– Я так долго ждал тебя, – сказал я, – и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.

Мама пристально посмотрела на меня и спросила:

– А чем же, чем же именно он лучше?

Я сказал:

– Да как же ты не понимаешь?! Ведь он живой! И светится!..

Тайное становится явным

Я услышал, как мама в коридоре сказала кому-то:

– ...Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

– Что это значит, мама: тайное становится явным?

– А это значит, что, если кто поступает нечестно, всё равно про него это узнают, и будет ему очень стыдно, и он понесёт наказание, – сказала мама. – Понял?.. Ложись-ка спать!

Я вычистил зубы, лёг спать, но не спал, а всё время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, опять вычистил зубы и стал завтракать. Было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни.

Сначала я съел яйцо. Это было ещё терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

– Ешь! – сказала мама. – Безо всяких разговоров!

Я сказал:

– Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

– Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый кощей! Ешь.

Ты должен поправиться.

Я сказал:

– Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

– Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?

Ну ещё бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И ещё там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

– Конечно, хочу в Кремль! Даже очень.

Тогда мама улыбнулась:

– Ну вот, ешь всю кашу до конца, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни – ты должен съесть всё до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлёпал её ложкой. Потом посолил. Попробовал – ну, невозможно есть. Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, пригубил. Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я

взял и долил в кашу кипятку. Всё равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, всё можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она сразу посмотрела на тарелку и обрадовалась:

– Ну что за Дениска, что за парень-молодец? Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идём на прогулку в Кремль! – И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошёл милиционер. Он сказал:

– Здравствуйте, – и побежал к окну, поглядел вниз, потом поглядел на маму и говорит: – А ещё интеллигентный человек.

– Что вам нужно? – строго спросила мама.

– Как не стыдно! – Милиционер даже стал по стойке «смирно». – Государство предоставляет вам новое жильё, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

– Не клевете, – запальчиво крикнула мама, – ничего я не выливаю!

– Ах, не выливаете, – язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: – Пострадавший! Пожалуйте сюда!

И вот к нам вошёл какой-то дяденька. Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошёл, сразу стал мекать.

– Главное, я иду фотографироваться... мме... и вдруг такая история... каша... мме... манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... мме... жжёт... Как же я пошлю своё... мме... фото, когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник. А уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

– Извините, пожалуйста, – сказала она тихо, – разрешите, я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое прошли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на неё взглянуть. Но я себя пересилил, подошел к ней и сказал:

– Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

– Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

– Да.

Мотогонки по отвесной стене

Ещё когда я был маленький, мне подарили трехколёсный велосипед. И я на нём выучился ездить. Сразу сел и поехал, нисколько не боясь, как будто я всю жизнь ездил на велосипедах.

Мама сказала:

– Смотри, какой он способный к спорту!

А папа сказал:

– Сидит довольно обезьяновато...

А я здорово научился ездить и довольно скоро стал делать на велосипеде разные штуки, как весёлые артисты в цирке. Например, я ездил задом наперёд или лёжа на седле и вертя педали какой угодно рукой – хочешь правой, хочешь левой; ездил боком, растопыря ноги; ездил сидя на руле, а то зажмурясь и без рук; ездил со стаканом воды в руке. Словом, наловчился по-всякому.

А потом дядя Женя отвернул у моего велосипеда одно колесо, и он стал двухколёсным, и я опять очень быстро всё заучил. И ребята во дворе стали меня называть «чемпионом мира и его окрестностей».

И так я катался на своём велосипеде до тех пор, пока колени у меня не стали во время езды подниматься выше руля. Тогда я догадался, что я уже вырос из этого велосипеда, и стал думать, когда же папа купит мне настоящую машину «Школьник».

И вот однажды к нам во двор въезжает велосипед. И дяденька, который на нём сидит, не крутит ногами, а велосипед трещит себе под ним, как стрекоза, и едет сам. Я ужасно удивился. Я никогда не видел, чтобы велосипед ехал сам. Мотоцикл – это другое дело, автомобиль – тоже, ракета – ясно, а велосипед? Сам?

Я просто глазам своим не поверил.

А этот дяденька, что на велосипеде, подъехал к Мишкиному парадному и остановился. И он оказался совсем не дяденькой, а молодым парнем. Потом он поставил велосипед

около трубы и ушёл. А я остался стоять тут же с разинутым ртом.

Вдруг выходит Мишка.

Он говорит:

– Ну? Чего уставился?

Я говорю:

– Сам едет, понял?

Мишка говорит:

– Это нашего племянника Федьки машина. Велосипед с мотором. Федька к нам приехал по делу – чай пить.

Я спрашиваю:

– А трудно такой машиной управлять?

– Ерунда на постном масле, – говорит Мишка. – Он заводится с полоборота. Один раз нажмёшь на педаль, и готово – можешь ехать. А бензину в ней на сто километров. А скорость – двадцать километров за полчаса.

– Ого! Вот это да! – говорю я. – Вот это машина! На такой покататься бы!

Тут Мишка покачал головой:

– Влетит. Федька убьёт. Голову оторвёт!

– Да. Опасно, – говорю я.

Но Мишка огляделся по сторонам и вдруг заявляет:

– Во дворе никого нет, а ты всё-таки «чемпион мира». Садись! Я помогу разогнать машину, а ты один разок толкни педаль, и всё пойдёт как по маслу. Объедешь вокруг садика два-три круга, и мы тихонечко поставим машину на место. Федька у нас чай подолгу пьёт. По три стакана дует. Давай!

– Давай, – сказал я.

И Мишка стал держать велосипед, а я на него взгромоздился. Одна нога действительно доставала самым носком до края педали, зато другая висела в воздухе, как макаронина. Я этой макарониной отпихнулся от трубы, а Мишка побежал рядом и кричит:

– Жми педаль, жми давай!

Я постарался, съехал чуть набок с седла да как нажму на педаль. Мишка чем-то щёлкнул на руле... И вдруг машина затрещала, и я поехал!

Я поехал! Сам. На педали не жму – не достаю, а только еду, соблюдаю равновесие!

Это было чудесно! Ветерок засвистел у меня в ушах, всё вокруг понеслось быстро-быстро по кругу: столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, и всё сначала, и я ехал, вцепившись в руль, а Мишка всё бежал за

мной, но на третьем круге он крикнул:

– Я устал! – и прислонился к столбику.

А я поехал один, и мне было очень весело, и я всё ездил и воображал, что участвую в мотогонках по отвесной стене. Я видел, в парке культуры так мчалась отважная артистка...

И столбик, и Мишка, и качели, и домоуправление – всё мелькало передо мной довольно долго, и всё было очень хорошо, только ногу, которая висела, как макаронина, стали немножко колоть мурашки... И ещё мне вдруг стало как-то не по себе, и ладони сразу стали мокрыми, и очень захотелось остановиться.

Я доехал до Мишки и крикнул:

– Хватит! Останавливай!

Мишка побежал за мной и кричит:

– Что? Говори громче!

Я кричу:

– Ты что, оглох, что ли?

Но Мишка уже отстал. Тогда я проехал ещё круг и закричал:

– Останови машину, Мишка!

Тогда он схватился за руль, машину качнуло, он упал, а я опять поехал дальше.

Гляжу, он снова встречает меня у столбика и орёт:

– Тормоз! Тормоз!

Я промчался мимо него и стал искать этот тормоз. Но ведь я же не знал, где он!

Я стал крутить разные винтики и что-то нажимать на руле. Куда там! Никакого толку! Машина трещит себе как ни в чём не бывало, а у меня в макаронную ногу уже тысячи иголок впиваются!

Я кричу:

– Мишка, а где этот тормоз?

А он:

– Я забыл!

А я:

– Ты вспомни!

– Ладно, вспомню, ты пока покрутись ещё немножко!

– Ты скорее вспоминай, Мишка! – опять кричу я.

И проехал дальше и чувствую, что мне уже совсем не по себе, тошно как-то. А на следующем кругу Мишка снова кричит:

– Не могу вспомнить! Ты лучше попробуй спрыгни!

А я ему:

– Меня тошнит!

Если бы я знал, что так получится, ни за что бы не стал кататься, лучше пешком ходить, честное слово!

А тут опять впереди Мишка кричит:

– Надо достать матрац, на котором спят! Чтoб ты в него врезался и остановился! Ты на чём спишь?

Я кричу:

– На раскладушке!

А Мишка:

– Тогда ездй, пока бензин не кончится!

Я чуть не переехал его за это. «Пока бензин не кончится»... Это, может быть, ещё две недели так носиться вокруг садика, а у нас на вторник билеты в кукольный театр. И ногу колет! Я кричу этому дуралею:

– Сбегай за вашим Федькой!

– Он чай пьёт! – кричит Мишка.

– Потом допьёт! – ору я.

– Убьёт! Обязательно убьёт! – соглашается Мишка.

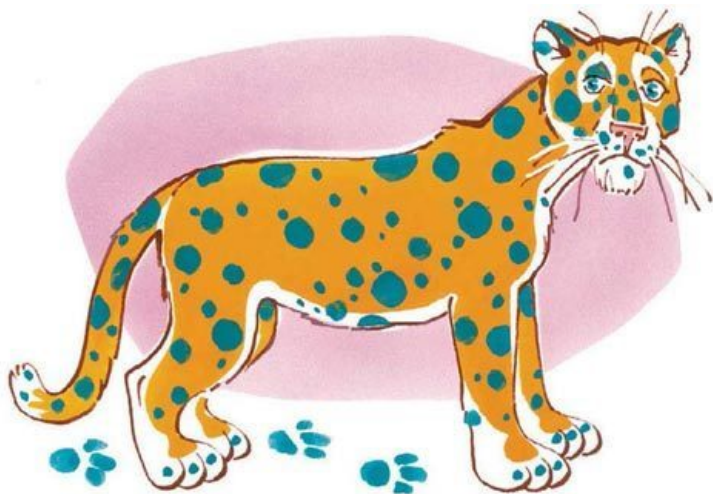
И опять всё завертелось передо мной: столбик, ворота, скамеечка, песочник, грибки от дождя, качели, домоуправление. Потом наоборот: домоуправление, качели, песочник, грибки от дождя, скамеечка, столбик, а потом пошло вперемешку: домик, столбоуправление, качели, ворота от дождя, грибеечка... И я понял, что дело плохо.

Но в это время кто-то сильно схватил машину, она перестала трещать, и меня довольно крепко хлопнули по затылку. Я сообразил, что это Мишкин Федька наконец почайпил. И я тут же кинулся бежать, но не смог, потому что макаронная нога вонзилась в меня, как кинжал. Но я всё-таки не растерялся и ускакал от Федьки на одной ноге. И он не стал догонять меня.

А я на него не рассердился за подзатыльник. Потому что без него я, наверно, кружил бы по двору до сих пор.

Зелёнчатые леопарды

Мы сидели с Мишкой и Алёнкой на песке около домоуправления и строили площадку для запуска космического корабля. Мы уже вырыли яму и уложили её кирпичом и стёклышками, а в центре оставили пустое место, чтобы здесь потом поставить ракету. Я принёс ведро и положил в него аппаратуру.

Мишка сказал:

– Надо вырыть боковой ход – под ракету, чтоб, когда она будет взлетать, газ бы вышел по этому ходу.

И мы стали опять рыть и копать и довольно быстро устали, потому что там было много камней.

Алёнка сказала:

– Я устала! Перекур!

А Мишка сказал:

– Правильно.

И мы сели отдыхать.

В это время из второго парадного вышел Костик. Он был такой худой, прямо невозможно узнать. И бледный, нисколечко не загорел. Он подошёл к нам и говорит:

– Здорово, ребята!

Мы все сказали:

– Здорово, Костик!

Он тихонько сел рядом с нами.

Я сказал:

– Ты что, Костик, такой худущий? Вылитый кощей...

Он сказал:

– Да это у меня корь была.

Алёнка подняла голову:

– А теперь ты выздоровел?

– Да, – сказал Костик, – я теперь совершенно выздоровел.

Мишка отодвинулся от Костика и сказал:

– Заразный небось?

А Костик улыбнулся:

– Нет, что ты, не бойся. Я не заразный. Вчера доктор сказал, что я уже могу общаться с детским коллективом.

Мишка придвинулся обратно, а я спросил:

– А когда болел, больно было?

– Нет, – ответил Костик, – не больно. Скучно очень. А так ничего. Мне картинки переводные дарили, я их всё время переводил, надоело до смерти.

Алёнка сказала:

– Да, болеть хорошо! Когда болеешь, всегда что-нибудь дарят.

Мишка сказал:

– Так ведь и когда здоровый, тоже дарят. В день рождения или когда ёлка.

Я сказал:

– Ещё дарят, когда в другой класс переходишь с пятёрками.

Мишка сказал:

– Мне не дарят. Одни тройки! А вот когда корь, всё равно ничего особенного не дарят, потому что потом все игрушки надо сжигать. Плохая болезнь корь, никуда не годится.

Костик спросил:

– А разве бывают хорошие болезни?

– Ого, – сказал я, – сколько хочешь! Ветрянка, например. Очень хорошая, интересная болезнь. Я когда болел, мне всё тело, каждую болявку отдельно зелёнкой мазали. Я был похож на леопарда. Что, плохо разве?

– Конечно, хорошо, – сказал Костик.

Алёнка посмотрела на меня и сказала:

– Когда лишай, тоже очень красивая болезнь.

Но Мишка только засмеялся:

– Сказала тоже – «красивая»! Намажут два-три пятнышка, вот и вся красота. Нет, лишай – это мелочь. Я лучше всего люблю грипп. Когда грипп, чаю дают с малиновым вареньем. Ешь сколько хочешь, просто не верится. Один раз я, больной, целую банку съел. Мама даже удивилась: «Смотрите, – говорит, – у мальчика грипп, температура тридцать восемь, а такой аппетит». А бабушка сказала: «Грипп разный бывает, это у него такая новая форма, дайте ему ещё, это у него организм требует». И мне дали ещё, но я больше не смог есть, такая жалость... Это грипп, наверно, на меня так плохо действовал.

Тут Мишка подпёрся кулаком и задумался, а я сказал:
– Грипп, конечно, хорошая болезнь, но с гландами не

сравнить, куда там!

– А что? – сказал Костик.

– А то, – сказал я, – что, когда гланды вырезают, мороженого дают потом, для заморозки. Это почище твоего варенья!

Алёнка сказала:

– А гланды от чего заводятся?

Я сказал:

– От насморка. Они в носу вырастают, как грибы, потому что сырость.

Мишка вздохнул и сказал:

– Насморк – болезнь ерундовая. Каплют чего-то в нос, ещё хуже течёт.

Я сказал:

– Зато керосин можно пить. Не слышно запаха.

– А зачем пить керосин?

Я сказал:

– Ну, не пить, так в рот набирать. Вот фокусник наберёт полный рот, а потом палку зажжённую возьмёт в руки и на неё как брызнет! Получается очень красивый огненный фонтан. Конечно, фокусник секрет знает. Без секрета не берись, ничего не получится.

– В цирке лягушек глотают, – сказала Алёнка.

– Ага, – сказал Костик, – и крыс тоже едят! Для смеху!

– И крокодилов тоже! – добавил Мишка.

Я прямо покотился от хохота. Надо же такое выдумать!

Ведь всем известно, что крокодил сделан из панциря, как же его есть?

Я сказал:

– Ты, Мишка, видно, с ума сошёл! Как ты будешь есть крокодила, когда он жёсткий. Его нипочём нельзя прожевать.

– Варёного-то? – сказал Мишка.

– Как же! Станет тебе крокодил вариться! – закричал я на Мишку.

– Он же зубастый, – сказала Алёнка, и видно было, что она уже испугалась.

А Костик добавил:

– Он сам их ест, что ни день, укротителей этих.

Алёнка сказала:

– Ну да? – И глаза у неё стали как белые пуговицы.

Костик только сплюнул в сторону.

Алёнка скривила губы:

– Говорили про хорошее – про гриба и про лишаёв, а теперь про крокодилов. Я их боюсь...

Мишка сказал:

– Про болезни уже всё переговорили. Кашель, например. Что в нём толку? Разве вот что в школу не ходить...

– И то хлеб, – сказал Костик. – А вообще вы правильно говорили: когда болеешь, все тебя больше любят. Не сравнить...

– Ласкают, – сказал Мишка, – глядят... Я заметил: когда болеешь, всё можно выпросить. Игру какую хочешь, или ружьё, или паяльник.

Я сказал:

– Конечно. Нужно только, чтобы болезнь была пострашнее. Вот если ногу сломаешь или шею, тогда чего хочешь ку-

пят.

Алёнка сказала:

– И велосипед?!

А Костик хмыкнул:

– А зачем велосипед, если нога сломана?

– Так ведь она прирастёт! – сказал я.

Костик сказал:

– Верно?

Я сказал:

– А куда же она денется! Да, Мишка?

Мишка кивнул головой, и тут Алёнка натянула платье на колени и спросила:

– А почему это, – спросила она, – если вот, например, пожжёшься или шишку набьёшь или там синяк, то, наоборот, бывает, что тебе ещё и наподдадут. Почему это так бывает?

– Несправедливость! – сказал я и стукнул ногой по ведру, где у нас лежала аппаратура.

Костик спросил:

– А это что такое вы здесь затеяли?

Я сказал:

– Площадка для запуска космического корабля!

Костик прямо закричал:

– Так что же вы молчите! Черти полосатые! Прекратите разговоры. Давайте скорей строить!!!

И мы прекратили разговоры и стали строить.

Удивительный день

Несколько дней тому назад мы начали строить площадку

для запуска космического корабля и вот до сих пор не кончили, а я сначала думал, что раз-два-три – и у нас сразу всё будет готово. Но дело как-то не клеилось, а всё потому, что мы не знали, какая она должна быть, эта площадка. У нас не было плана.

Тогда я пошёл домой. Взял листок бумажки и нарисовал на нём, что куда: где вход, где выход, где одеваться, где космонавта провожают и где кнопку нажимать. Это всё получилось у меня очень здорово, особенно кнопка. А когда я нарисовал площадку, я заодно пририсовал к ней и ракету. И первую ступеньку, и вторую, и кабину космонавта, где он будет вести научные наблюдения, и отдельный закуток, где он будет обедать, и я даже придумал, где ему умываться, и изобрёл для этого самовывдвигающиеся вёдра, чтобы он в них собирал дождевую воду.

И когда я показал этот план Алёнке, Мишке и Костику, им всем очень понравилось. Только вёдра Мишка зачеркнул.

Он сказал:

– Они будут тормозить.

И Костик сказал:

– Конечно, конечно! Убери эти вёдра.

И Алёнка сказала:

– Ну их совсем!

И я тогда не стал с ними спорить, и мы прекратили всякие ненужные разговоры и принялись за работу. Мы достали тяжёлую трамбушку. Я и Мишка колотили ею по земле. А

позади нас шла Алёнка и подравнивала за нами прямо сандаликами. Они у неё были новенькие, красные, а через пять минут стали серые. Перекрасились от пыли.

Мы чудесно утрамбовали площадку и работали дружно. И к нам ещё один парень присоединился, Андрюшка, ему шесть лет. Он хотя немножко рыжеватый, но довольно сообразительный. А в самый разгар работы открылось окно на четвёртом этаже, и Алёнкина мама крикнула:

– Алёнка! Домой сейчас же! Завтракать!

И когда Алёнка убежала, Костик сказал:

– Ещё лучше, что ушла!

А Мишка сказал:

– Жалко. Всё-таки рабочая сила...

Я сказал:

– Давайте приналяжем!

И мы приналегли, и очень скоро площадка была совершенно готова. Мишка её осмотрел, засмеялся от удовольствия и говорит:

– Теперь главное дело надо решить: кто будет космонавтом.

Андрюшка сейчас же откликнулся:

– Я буду космонавтом, потому что я самый маленький, меньше всех вешу!

А Костик:

– Это ещё неизвестно. Я болел, я знаешь как похудел? На три кило! Я космонавт.

Мы с Мишкой только переглянулись. Эти чертенята уже

решили, что они будут космонавтами, а про нас как будто и забыли.

А ведь это я всю игру придумал. И, ясное дело, я и буду космонавтом!

И только я успел так подумать, как Мишка вдруг заявляет.

– А кто всей работой тут сейчас командовал? А? Я командовал! Значит, я буду космонавтом!

Это всё мне совершенно не понравилось. Я сказал:

– Давайте сначала ракету выстроим. А потом сделаем испытания на космонавта. А потом и запуск назначим.

Они сразу обрадовались, что ещё много игры осталось, и Андрюшка сказал:

– Даёшь ракету строить!

Костик сказал:

– Правильно!

А Мишка сказал:

– Ну что ж, я согласен.

Мы стали строить ракету прямо на нашей пусковой площадке. Там лежала здоровенная пузатая бочка. В ней раньше был мел, а теперь она валялась пустая. Она была деревянная и почти совершенно целая, и я сразу всё сообразил и сказал:

– Вот это будет кабина. Здесь любой космонавт может поместиться, даже самый настоящий, не то что я или Мишка.

И мы эту бочку поставили на серёдку, и Костик сейчас же приволок с чёрного хода какой-то старый ничей самовар. Он его приделал к бочке, чтобы заливать туда горючее. Получилось очень складно. Мы с Мишкой сделали внутреннее устройство и два окошечка по бокам: это были иллюминаторы для наблюдения. Андрюшка притащил довольно здоровый ящик с крышкой и наполовину всунул его в бочку. Я сначала не понял, что это такое, и спросил Андрюшку:

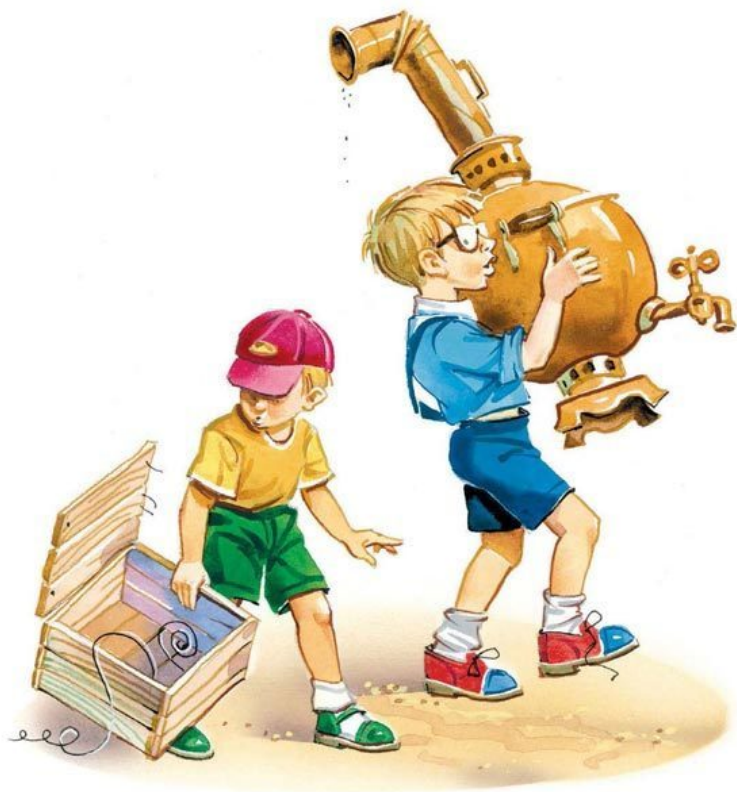
— Это зачем?

А он сказал:

– Как – зачем? Это вторая ступень!

Мишка сказал:

– Молодец!

И у нас работа закипела вовсю. Мы достали разных кра-

сок, и несколько кусочков жести, и гвоздей, и верёвочек, и протянули эти верёвочки вдоль ракеты, и жестянки прибили к хвостовому оперению, и подкрасили длинные полосы по всему бочкиному боку, и много ещё чего понаделали, всего не перескажешь. И когда мы увидели, что всё у нас готово, Мишка вдруг отвернул краник у самовара, который был у нас баком для горючего. Мишка отвернул краник, но оттуда ничего не потекло. Мишка ужасно разгорячился, он потрогал пальцем снизу сухой краник, повернулся к Андрюшке, который считался у нас главным инженером, и заорал:

– Вы что? Что вы наделали?

Андрюшка сказал:

– А что?

Тогда Мишка вконец разозлился и ещё хуже заорал:

– Молчать! Вы главный инженер или что?

Андрюшка сказал:

– Я главный инженер. А чего ты орёшь?

А Мишка:

– Где же горючее в машине? Ведь в самоваре... то есть в баке, нет ни капли горючего.

А Андрюшка:

– Ну и что?

Тогда Мишка ему:

– А вот как дам, тогда узнаешь «ну и что»!

Тут я вмешался и крикнул:

– Наполнить бак! Механик, быстро!

И я грозно посмотрел на Костика. Он сейчас же сообразил, что это он и есть механик, схватил ведёрко и побежал в котельную за водой. Он там набрал полведра горячей воды, прибежал обратно, влез на кирпич и стал заливать.

Он наливал воду в самовар и кричал:

– Есть горячее! Всё в порядке!

А Мишка стоял под самоваром и ругал Андрюшку на чём свет стоит.

И тут на Мишку полилась вода. Она была не горячая, но ничего себе, довольно чувствительная, и, когда она залилась Мишке за воротник и на голову, он здорово испугался и отскочил как ошпаренный. Самовар-то был, видать, дырявый. Он Мишку почти всего окатил, а главный инженер злорадно захохотал:

– Так тебе и надо!

У Мишки прямо засверкали глаза.

И я увидел, что Мишка сейчас даст этому нахальному инженеру по шее, поэтому я быстро встал между ними и сказал:

– Слушайте, ребя, а как же мы назовём наш корабль?

– «Торпедо», – сказал Костик.

– Или «Спартак», – перебил Андрюшка, – а то «Динамо».

Мишка опять обиделся и сказал:

– Нет уж, тогда «ЦСКА»!

Я им сказал:

– Ведь это же не футбол! Вы ещё нашу ракету «Пахтакор» назовите! Надо назвать «Восток-2»! Потому что у Гагарина просто «Восток» называется корабль, а у нас будет «Восток-2»!.. На, Мишка, краску, пиши!

Он сейчас же взял кисточку и принялся малевать, сопя носом. Он даже высунул язык. Мы стали глядеть на него, но

он сказал:

– Не мешайте! Не глядите под руку!

И мы от него отошли.

А я в это время взял градусник, который я утащил из ванной, и измерил Андрюшке температуру. У него оказалось сорок восемь и шесть. Я просто схватился за голову: я никогда не видел, чтобы у обыкновенного мальчика была такая высокая температура. Я сказал:

– Это какой-то ужас! У тебя, наверно, ревматизм или тиф. Температура сорок восемь и шесть! Отойди в сторону.

Он отошёл, но тут вмешался Костик:

– Теперь осмотри меня! Я тоже хочу быть космонавтом!

Вот какое несчастье получается: все хотят! Прямо отбою от них нет. Всякая мелюзга, а туда же!

Я сказал Костику:

– Во-первых, ты после кори. И тебе никакая мама не разрешит быть космонавтом. А во-вторых, покажи язык!

Он моментально высунул кончик своего языка. Язык был розовый и мокрый, но его было мало видно.

Я сказал:

– Что ты мне какой-то кончик показываешь? Давай весь вываливай!

Он сейчас же вывалил весь свой язык, так что чуть до воротника не достал. Неприятно было на это смотреть, и я ему сказал:

– Всё, всё, хватит! Довольно! Можешь убирать свой язык.

Чересчур он у тебя длинный, вот что. Просто ужасно длиннющий. Я даже удивляюсь, как он у тебя во рту укладывается.

Костик совершенно растерялся, но потом всё-таки опомнился, захлопал глазами и говорит с угрозой:

– Ты не трещи! Ты прямо скажи: гожусь я в космонавты?

Тогда я сказал:

– С таким-то языком? Конечно, нет! Ты что, не понимаешь, что, если у космонавта длинный язык, он уже никуда не годится. Он ведь всем на свете разболтает все секреты: где какая звезда вертится и всё такое... Нет, ты, Костик, лучше успокойся! С твоим язычком лучше на Земле сидеть.

Тут Костик ни с того ни с сего покраснел, как помидор. Он отступил от меня на шаг, сжал кулаки, и я понял, что сейчас у нас с ним начнётся самая настоящая драка. Поэтому я тоже быстро поплевал в кулаки и выставил ногу вперёд, чтобы была настоящая боксёрская поза, как на фотографии у чемпиона лёгкого веса.

Костик сказал:

– Сейчас дам плюху!

А я сказал:

– Сам схватишь две!

Он сказал:

– Будешь валяться на земле!

А я ему:

– Считай, что ты уже умер!

Тогда он подумал и сказал:

– Неохота что-то связываться...

А я:

– Ну и замолкни!

И тут Мишка закричал нам от ракеты:

– Эй, Костик, Дениска, Андрюшка! Идите надпись смотреть.

Мы побежали к Мишке и стали глядеть. Ничего себе была надпись, только кривая и в конце завивалась книзу. Андрюшка сказал:

– Во здорово!

И Костик сказал:

– Блеск!

А я ничего не сказал. Потому что там было написано так: «ВАСТОК-2».

Я не стал этим Мишку допекать, а подошёл и исправил обе ошибки. Я написал: «ВОСТОГ-2».

И всё. Мишка покраснел и промолчал. Потом он подошёл

ко мне, взял под козырёк.

– Когда назначаете запуск? – спросил Мишка.

Я сказал:

– Через час!

Мишка сказал:

– Ноль-ноль?

И я ответил:

– Ноль-ноль!

* * *

Прежде всего нам нужно было достать взрывчатку. Это было нелёгкое дело, но кое-что всё-таки набралось. Во-первых, Андрюшка притащил десять штук ёлочных бенгальских огней. Потом Мишка тоже принёс какой-то пакетик – я забыл, как называется, вроде борной кислоты. Мишка сказал, что эта кислота очень красиво горит. А я приволок две шутихи, они у меня ещё с прошлого года в ящике валялись. И мы взяли трубу от нашего самовара-бака, заткнули с одного конца тряпкой и затолкали туда всю нашу взрывчатку и утрясли её как следует. А потом Костик принёс какой-то пояс от маминого халата, и мы сделали из него бикфордов шнур. Всю нашу трубу мы уложили во вторую ступеньку ракеты и привязали её веревками, а шнур вытащили наружу, и он лежал за нашей ракетой на земле, как хвост от змеи. И теперь всё у нас было готово.

– Теперь, – сказал Мишка, – пришла пора решать, кто полетит. Ты или я, потому что Андрюшка и Костик пока ещё не подходят.

– Да, – сказал я, – они не подходят по состоянию здоровья.

Как только я это сказал, так из Андрюшки сейчас же закапали слёзы, а Костик отвернулся и стал колупать стену, потому что из него тоже, наверно, закапало, но он стеснялся, что вот ему уже скоро семь, а он плачет. Тогда я сказал:

– Костик назначается Главным Зажигателем!

Мишка добавил:

– А Андрюшка назначается Главным Запускателем!

Тут они оба повернулись к нам, и лица у них стали гораздо веселее, и никаких слёз не стало видно, просто удивительно!

Тогда я сказал:

– Мишка, а мы давай считаться на космонавта.

Мишка сказал:

– Только, чур, я считаю!

И мы стали считаться:

– Заяц – белый – куда – бегал – в лес – дубовый – чего – делал – лыжи – драл – куда – клал – под – колоду – кто – украл – Спири – дон – Мор – дель – он – тинтиль – винтиль – выйди – вон!

Мишке вышло выйти вон. Он, конечно, постарше и Костика и Андрюшки, но глаза у него стали такие печальные, что не ему лететь, просто ужас! Я сказал:

– Мишка, ты в следующий полёт полетишь безо всякой считалки, ладно?

А он сказал:

– Давай садись!

Что ж, ничего не поделаешь, мне ведь по-честному досталось. Мы с ним считались, и он сам считал, а мне выпало, тут уж ничего не поделаешь. И я сразу полез в бочку. Там было темно и тесно, особенно мне мешала вторая ступенька. Из-за неё нельзя было спокойно лежать, она впивалась в бок. Я хотел повернуться и лечь на живот, но тут же треснулся головой о бак, он впереди торчал. Я подумал, что, конечно, космонавту трудно сидеть в кабине, потому что аппаратуры очень много, даже чересчур! Но всё-таки я приспособился, и свернулся в три погибели, и лёг, и стал ждать запуска.

И вот слышу – Мишка кричит:

– Подготовься! Смирнаа! Запускатель, не ковыряй в носу! Иди к моторам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.